

Сердце бешено колотилось в груди. Интуиция подсказывала Линь Ханьчжи: до истины осталось совсем немного.

За ней, будто уже на расстоянии вытянутой руки, скрывались годы боли и терпения.

Ци Гу и Мяо Юэ знали обо всём, что с ним произошло, и потому сейчас, разумеется, тоже волновались за него.

— Когда узнаешь правду, не смей от меня ничего скрывать, — Ци Гу сильнее сжал пальцы, ещё крепче переплетая их с пальцами Линь Ханьчжи.

Он чувствовал, что Линь Ханьчжи так и не сумел по-настоящему расслабиться. Тот всё ещё считал себя одуванчиком, которому однажды суждено улететь: правда об этом деле и противник, стоящий за ней, в конце концов подхватят его ветром и унесут прочь.

Но Ци Гу не хотел, чтобы Линь Ханьчжи был одуванчиком. Поэтому сам собирался стать стеклянным колпаком вокруг его пушинок — заслонить от ветра и ливней и пройти весь путь рядом.

Во взгляде Линь Ханьчжи мелькнули растерянность и уклончивость — явный признак того, что он хотел сменить тему. Но Ци Гу никогда не принимал расплывчатых ответов. Он серьёзно, с упрямством человека, который обязательно добьётся своего, произнёс:

— Отвечай.

— Не забывай, у нас ещё есть талисман «Вместе в жизни и смерти», — Ци Гу понизил голос; тёплое дыхание коснулось шеи Линь Ханьчжи.

Линь Ханьчжи не забыл.

Он ни на секунду не смел забывать.

Растерянность в его персиковых глазах постепенно сменилась твёрдостью, словно он решил на одинокий, отчаянно смелый шаг. Так же тихо, но отчётливо выговаривая каждое слово, он ответил:

— Я всё тебе расскажу. Между нами не будет секретов.

После этого Линь Ханьчжи выпрямился, однако в тот миг, когда его губы отдалились от шеи Ци Гу, беззвучно произнёс три слова.

Они находились в мёртвой зоне камеры, поэтому дрон не сумел точно их записать.

□Да вы издеваетесь, опять шепчетесь! Дайте и мне хоть краем уха послушать!□

□Вот разбогатею — обязательно куплю телефон, который умеет слышать шёпот!□

□А я ещё куплю телефон, который сможет показать, как они целуются специально для меня□

□Что-то мне не верится, что всё так совпало. Чжичжи ведь сам большой босс, значит, его отец тоже вряд ли был простым человеком. В Миньди он наверняка приехал не просто так□

□+1□

□Кстати, Чжичжи такой красивый. Его родители, наверное, тоже были красавцами?□

□Их семейная корпорация довольно известна. Раньше, кажется, ею управляла боковая ветвь Линь, а потом она вернулась к главной ветви. Может, там была какая-нибудь борьба за власть?□

□Блин, вы так сказали — и я вдруг вспомнил новость из детства, ещё в газете читал. В районе вилл случился пожар, и в семье по фамилии Линь выжил только один ребёнок, остальные погибли. Писали, что всё было ужасно: машины с телами ездили туда-сюда много раз, пока всех не вывезли□

□А...□

□Вернулся из поиска. Это правда. Все сорок шесть человек семьи погибли. Очень страшный пожар□

□Эм... звучит так, будто их небеса покарали?□

□Ты вообще думаешь, что несёшь? Если вся твоя семья умрёт, тебе понравится, если кто-то скажет, что это небесная кара?□

□Да я просто ляпнул, чего так остро реагировать□

□.....+*&%&*&□

После того как пользователи весьма наглядно провели воспитательную работу, человек, ляпнувший глупость, наконец был отруган до молчания.

□Так жалко Чжичжи. Он ведь тогда был совсем маленьким. Даже не представляю, как можно было это пережить: столько близких разом исчезли, остались только холодные тела. Я бы не выдержал и захотел уйти вместе с ними□

□Он всегда улыбается, и я думал, что вырос в очень счастливой семье□

□Чжичжи правда невероятный. После такого он всё равно продолжил практиковать мистические искусства и в итоге стал начальником сестрицы Мяо и мелкого братца... Какая карьерная высота, Пубу Гэсан обзавидуется□

□Хорошо, что теперь у Чжичжи есть Гугу. Никто из них больше не одинок: теперь они вдвоём и могут идти по жизни рука об руку!□

□Спасибо, верхний, у меня сердце размякло. Сразу представились два котика, которые прижались друг к другу. Чжичжи — красивый ласковый большой рэгдолл, а Гугу — мейн-кун с холодной мордой и тёплым сердцем□

□А-а-а-а! Готов всю жизнь есть и мясо, и овощи, лишь бы они всегда были счастливы!□

*

Линь Ханьчжи всегда прекрасно умел владеть собой и очень быстро спрятал все лишние эмоции, которые не следовало показывать.

Ци Гу всё ещё было беспокойно, поэтому он так и не разжал переплетённые пальцы и спросил:

— Ещё что-нибудь хочешь спросить? Если нет, я верну им ясность сознания.

Когда духи очнутся, их наверняка захлестнут эмоции, и тогда задавать вопросы будет уже неуместно.

Линь Ханьчжи покачал головой.

Ци Гу одной рукой начертил талисман. Золотое сияние заставило нескольких духов на противоположном судне широко раскрыть глаза.

— Ч-что происходит?

— Что ты делаешь?

Голос Ци Гу оставался спокойным, словно лёгкий ветер, проходящий над рисовыми полями; он

немного рассеял панику в сердцах призраков.

— Не бойтесь. Я просто хочу, чтобы вам стало легче.

Через несколько минут золотые письма легли на нос рыбацкой лодки. Свет растёкся от носа по всему судну и, конечно, окутал рыбаков.

Постепенно растерянность и непонимание в их глазах сменились мучительной гримасой. На них нахлынули воспоминания о более чем тридцати годах скитаний по морю, о бесконечно повторяющемся круге: выйти в море, погибнуть, очнуться снова.

Оказалось, все эти тридцать лет они в тумане сознания снова и снова проживали один и тот же день, совершая плавание, из которого никогда не могли вернуться.

А ароматный рис и тушёное мясо трёх видов, которые, по их словам, приготовили дома родители и жёны, так и оставались едой, до которой им уже никогда не добраться.

Слёзы будто прорвали плотину и крупными каплями покатались по лицам. Самому старшему было за тридцать, младшему — восемнадцать, но вся лодка рыбаков рыдала, как беспомощные дети: оплакивала свою судьбу и родных, которые дома так и не дождались возвращения близких.

Они плакали очень, очень долго. Ци Гу дождался, пока те немного успокоятся, и сказал:

— Я могу помочь вам войти во сны родных, чтобы вы ещё раз попрощались. После этого вам придётся отправиться в Гуйсюй на дне моря и ждать перерождения.

Рыбаки вскинули головы, привлечённые его словами. Их голоса дрожали:

— Войти во сны? Мы ещё сможем увидеться с родными?!

Разумеется, никто не отказался.

Все тридцать лет каждый день они мечтали вернуться домой. Эти надежды накладывались одна на другую, давно достигнув предела, и теперь они не могли больше ждать.

Ци Гу добавил:

— В прошлый раз вы ещё говорили, что принесёте домой печенье. Не забудьте.

Линь Ханьчжи не требовалось напоминание: он достал из рюкзака несколько пачек

прессованного печенья и передал им.

Рыбаки без конца благодарили, а затем, следуя объяснениям Ци Гу, попытались войти в сны.

Сейчас было время послеобеденного сна; если повезёт, всё получится с первой попытки.

Вскоре на лице одного из рыбаков появилось туманное, сонное выражение. Очевидно, он уже попал в чей-то сон.

Через несколько минут печенье в его руках исчезло, а сам дух очнулся.

И вновь глаза наполнились слезами. Он взволнованно сказал братьям:

— Только что я пришёл во сне к жене. Она рассказала, что двадцать пять лет назад вышла замуж снова, взяв с собой нашу дочь. Новый муж очень хорошо относится к ним обеим... Как же хорошо.

— Я больше всего боялся, что она будет тащить всё одна. Если рядом с ней нашёлся человек, с которым можно пройти жизнь вместе, это лучше всего.

Тридцать лет назад женщине с ребёнком было невероятно тяжело выживать самостоятельно.

Рыбак, конечно, чувствовал грусть, но вместе с тем и радость — радость от того, что жене и дочери не пришлось пережить слишком много лишений.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949201>